
Max Postman
Пари

Пари

Жанр произведения: О войне

Произведение написал автор BookBox Max Postman

Ссылка на публикацию

- Бьюсь об заклад, я смогу это устроить! – взволнованно выкрикнул молодой, амбициозный майор, передвигая фигуру на шахматной доске, - Вам, шах!

Пожилой полковник, недоумевая, чесал затылок. «Определенно, этот выскочка лучше всех в гарнизоне играет в шахматы! Как же хочется поставить его на место! Но пока, не вижу способа это устроить»! - сетовал он про себя, в сердцах сокрушаясь, что очередная партия проиграна на глазах у подчиненных. Никто не позволял себе выигрывать у начальника лагеря, а наглый, недавно прибывший в расположение части майор, публично унижал его, ни капли не стесняясь! Мало того, так еще и глумился, каждый раз предлагая отыграться! «Однозначно, от него нужно избавиться»! – крутилось у полковника в голове. Пятничные посиделки в клубе стали в последнее время, для пожилого офицера скорее пыткой, чем развлечением. И, пытаясь, отвлечь внимание присутствующих офицеров от шахмат, обратился к майору:

- Как вы себе такое представляете, штурмбаннфюрер? В этих двух бараках живут близкие друг другу люди. Недолюди, но все же! Среди них много родственников, соседей, да вы посмотрите, как дикари радуются и заботятся друг о друге при встречах на прогулках! Эти племена исторически, с давних времен, проживали рядом, и ни одного упоминания о малейшем конфликте, или, хотя бы, разногласии, мы не смогли найти в источниках! Дикари воспринимают себя как единое целое. Нашим лучшим специалистам, не то, что вам, пока не удалось найти способ вбить клин между ними! Даже, находясь в таких скотстких условиях, которые мы им создали, в придачу, разделенные на разные социумы, они, все также, при встречах на прогулке тепло поддерживают друг друга, и сообща подкармливают самых изможденных! У меня, иногда закрадывается страшная мысль… - полковник сделал интригующую паузу, - вдруг в них есть, все-таки, что-то от человека?! – Полковник громко расхохотался, понимая абсурдность сказанного. Все, кто находился в комнате, поддержали шутку своего шефа громким смехом.

*****

Молодой майор Ганс обожал нетривиальные задачи! Головоломки, шахматы, интриги были его страстью! Ему удавалось ловко манипулировать людьми,

намного опытнее и авторитетнее себя. И чем выше были ставки, тем большее удовлетворение испытывал Ганс, когда его план подходил к завершению. В день, когда очередной сценарий был отыгран, ближе к полуночи, майор заваривал себе ароматный кофе в походной турке - это он позволял себе делать только по большим праздникам - выходил на балкон, курил, смотрел на звезды, потягивая ароматный напиток, и наслаждался, снова и снова, прокручивая в голове каждый эпизод своей, невидимой никому, кроме него, пьесы, которая, только что закончилась. Вспоминал персонажей, в нужный момент появлявшихся, и, также своевременно исчезавших, отыграв свои роли, словно по взмаху дирижерской палочки. Упоение доставляло ему, как покорно, не только простые люди и подчиненные, незримо для себя, выполняли то, что он им предначертал, но и старшие, убеленные сединами офицеры, неосознанно совершали действия, прописанные для них в его сценарии. Ганс сталкивал лбами, вынуждал вступать в коалиции, ссорил приятелей, объединял врагов. При этом, ни кому даже в голову прийти не могло, что за всем этим, стоит молодой майор! Все выглядело, как само собой происходящее. Все чаще в его голове крутился вопрос, который не давал покоя ни днем ни ночью: «Чем я не верховный правитель рейха? По интеллекту я, пока еще, не встречал себе равных! Все зримо или незримо для себя, выполняют мою волю! Разве не такой, как я, должен быть фюрером нации?! Но как же проявить себя так, чтобы высшие чины империи, за пределами нашего забытого всеми гарнизона, обратили на меня свой взор? Надо сделать что-то невообразимое»! - Даже сейчас, медленно и нудно обыгрывая полковника, эта мысль не покидала его.

А полковник, тем временем, наоборот, хотел, чтобы это публичное унижение поскорее закончилось, понимая, что ему не избежать очередного проигрыша. Он хотел скорее очутиться в своем уютном доме, защищенным со всех сторон высоким забором, где его облепят любящие дочери и жена. Еще не успев скинуть свой черный кожаный плащ, пропахнувший адской работой, дети облепят отца и начнут хвастаться своими дневными успехами. Дочери всегда ждали, когда откроется уличная калитка и папа войдет во двор, чтобы тут же, громко крича, наперегонки бежать к входной двери. Затем появится улыбающаяся жена, и все заботы уйдут на второй план. Что может быть лучше семейного счастья?! «Скорей бы уже война закончилась, чтобы прекратились эти грязные приказы, эта тяжелая рутина. Планы по утилизации, пусть недолюдей, но все же… Чтоб наступила уже полная идиллия в империи! Вот тогда, с чувством выполненного долга, можно будет полностью посвятить свою жизнь семье»! - Об этом мечтал пожилой полковник, проигрывая очередную партию в шахматы молодому выскочке.

*****

Лагерный гарнизон был замкнут в себе. Каких-то более-менее значимых или интересных событий почти не происходило. Развлечением для офицеров были пятничные посиделки в клубе, где все разговоры, так или иначе, крутились вокруг работы. И главной темой всегда были разговоры о безуспешных попытках стравить узников двух бараков. Неудачи в этом вопросе очень сильно било по самолюбию сверхлюдей, которые никак не могли подобрать ключи к сердцам дикарей, и заставить выполнять свою волю! Такая наглость недолюдям была не позволительна! Поэтому нить разговора об очередных безуспешных попытках, постоянно перебивала остальные темы. «Мы две недели одних кормили водой и стухшими продуктами, а другим давали усиленный паек, так они стали украдкой подкармливать соседей на прогулке, недоедая сами и, рискуя получить палками по спинам! У меня иссякает фантазия, что еще можно предпринять»?! – сокрушались одни. «А мы демонстративно жгли всю неделю заключенных только из одного барака, так вторые начали бунтовать, предлагая свои кандидатуры, чтоб спасти соплеменников»! – Сетовали другие. Эта проблема была не только интересной головоломкой, но и экспериментально важной задачей, для изучения процессов управления массами. За удачный исход эксперимента было назначено приличное вознаграждение от командования, так что все офицеры в большей или меньшей степени принимали участие, придумывая способы, чтобы эксперимент продолжил развитие в нужном русле. Вдруг, как гром среди ясного неба, Гансу пришло осознание, что вот же возможность проявить себя, которую он так долго искал. Он даже не успел осмыслить, и, несколькими минутами ранее, в запале, не раздумывая, выпалил:

- Держу пари, мне удастся стравить два барака! – тут же очнулся, осознавая, что понятия не имеет, как такое можно устроить, но момент, вынудить старика-полковника на пари был замечательным. А унижать старшего по званию и возрасту очень импонировало Гансу. И партия в шахматы пролетела, за обсуждением этого дерзкого заявления.

Маститые полковники, майоры, весь штаб, с ухмылкой отнеслись к затее заключить пари, некоторые с любопытством прикладывали к глазам пенсне, демонстративно разглядывая молодого самоуверенного майора. По-отечески приводили свои доводы, что вряд ли у него получится. Похлопывали по плечу, предлагая отказаться. Рассказывали, как узники бесстрашно, ради спасения соплеменников, готовы были идти и на расстрел и в газовые камеры. Но дерзкий майор никого не слушал. Шаг сделан, отступать было не в его правилах. Пятничные посиделки подходили к концу.

- Вам мат, штандартенфюрер! - произнес майор. Проигрыш полковника, сегодня не особо кого-то волновал, это уже стало обыденностью, все предвкушали

заключения пари. А полковнику, чтобы как-то сохранить свой авторитет перед подчиненными ничего не оставалось, как поддержать пари. И, чтобы чем-то ответить за очередной проигрыш, полковник начал словесно уязвлять дерзкого выскочку, давая понять, что не сильно расстроен. Хотя, весь штаб знал, как он трепетно относится к игре, и, конечно, гордыня стальными руками душила его за горло.

- Вы слишком самоуверенны, молодой человек! Более умные и опытные офицеры потерпели фиаско, пытаясь сделать что-то подобное! Поэтому, беря в расчет ваш не богатый опыт, и то, что человек вы у нас достаточно новый, даю вам шанс отказаться от пари. Судя по акценту, вы из глубокой провинции, верно? Ну, так прислушайтесь к бесплатному совету: жизнь, не партия в шахматы! Хотя, играете вы конечно не дурно! – сказал офицер, сверля Ганса взглядом, ожидая, что молодой майор поймет намек, и, соблюдая уважение и субординацию, отступит, тем самым, частично компенсирует очередное прилюдное унижение полковника, которому это уже изрядно надоело.

Все притихли. Ганс дерзко смотрел в глаза старшему офицеру и, выдержав паузу, глухим голосом спросил:

- Что ставите? – теперь обратной дороги для него уже не было.

- О, а вы неугомонный молодой человек! – Пытаясь непринужденно ухмыляться, стальным голосом сказал полковник, продолжая сверлить молодого майора взглядом. Поняв, что тот пойдет до конца, подумав еще некоторое время, мудрый офицер смекнул, что ему не переиграть Ганса, что тот умнее, моложе, безкомпромиснее его, а значит, в гарнизоне должен остаться только один из них, иначе ему светит, на старости лет, превратится во всеобщее посмешище. «Значит или пан или пропал! Как говорится у дикарей»! – подытожил он и продолжил:

- Хорошо! - офицер чеканил каждое слово, - вот мои условия: если в течение 6 месяцев, вам удастся создать непримиримых врагов между узниками первого и второго бараков, я ухожу с должности начальника лагеря и пишу рапорт о вашем назначении на мое место. Ну а если у вас не выйдет, то рапорт пишете вы и покидаете расположение гарнизона навсегда!

- Принимается! – Ганс, не раздумывая, протянул руку, еще сильнее сверкнув глазами.

- Но! Конфликт между бараками должен быть бесспорный и признанный всеми здесь присутствующими! Желательно с жертвами, - окончил озвучивать свои условия полковник.

- Согласен! – тут же с волнением отреагировал Ганс. «Вот она! Новая сверхзадача»! – промелькнуло у него в голове. Спорщики, до боли, пожали друг другу руки, и Ганс поспешил удалиться. Такого волнения, такого масштаба задачи у него еще не было! Простой паренек из маленького провинциального городишки, вынудил полковника, почти генерала, да еще и аристократа, принять от него вызов! Юноша задыхался от собственной значимости. И это только начало! Одержав победу в пари, перед ним откроются новые горизонты! Ганс бежал домой, задыхаясь от возбуждения.

«Через шесть месяцев, два барака, в которых проживали родственники, соседи, соплеменники, должны были люто возненавидеть друг друга и устроить конфликт. Желательно с жертвами! Конечно с жертвами! Моя победа должна быть триумфальной! Мое имя должно загреметь на весь рейх! Слава обо мне разлетится во все уголки империи, и моя карьера будет головокружительной! И, когда после войны я вернусь домой, то смогу завести себе десять, а то и пятнадцать склавен! И если уж не дотянусь до должности фюрера, то бургомистром нашего края ничто не помешает мне стать! Склавен, славен, у них в названии нации вбито, что они рабы»! – посмеялся про себя Ганс. Мысли путались у него в голове.

Идея уже начала раскручивать свой маховик, нужно было создавать сценарий, расписывать роли, расставлять фигуры.

*****

Молодой майор, увлеченный новой задачей, практически перестал спать, часто заходил то в один то в другой барак, наблюдал за осужденными на прогулках. Присматривался, кого можно было использовать в своей разработке. Устраивал легкие провокации, проверяя подверженность им осужденных. Но узники не реагировали, не распылялись друг на друга гневом, тут же гасили очаги недопониманий, улыбались, обнимались, и жизнь продолжалась в прежнем русле. Вместе скорбели о тех, кого уводили в газовые камеры или на расстрел, подкармливали умирающих от голода детей и стариков. То есть продолжали жить одной общиной, не разделяясь на два социума.

Время шло, отвергались не сработавшие сценарии, создавались новые. Отступать было некуда. Ганс продолжал упорно искать решение.

Майор перестал следить за сводками с фронтов, да и что там могло было быть интересного?! Фашистская военная машина планомерно ехала на восток, устанавливая новый мировой порядок. И в новом строю, молодой майор Ганс, займет достойное место!

…«Кто-то должен их направить! Кто-то, кому дикари будут доверять. Нас они не послушают, мы для них враги, а внутри себя это очень сплоченный коллектив. Надо думать, надо искать»! – чеканились мысли у него в мозгу.

Майор вновь и вновь перебирал картотеки: «Хоть что-то, хоть в ком-то, должен быть изъян, черт побери»!..

…«Мистер Веге», - офицер вновь крутил в руках карточку узника. Все труднопроизносимые фамилии тех, кто попал в поле его зрения, штурмбаннфюрер переиначил на немецкий манер, для удобства восприятия. «В шахматы играть совсем не умеет. Никаких интересов, привязанностей, логическое мышление слабое». Он сильно отличался от других узников своего барака. Среди сильных духом, единых, не боящихся смерти соплеменников, этот был, скорее отщепенцем. И именно этим притягивал внимание Ганса. Нет, в бараке его не унижали. Веге обладал такими же правами, со всеми обнимался, делился, но… Но было в нем что-то… Какая то обида, или ущербность, что ли. Чем-то притягивал к себе внимание Веге, хотя офицер еще не понимал, как можно его использовать. «Он настолько сер, никчемен, и в придачу, сам себе на уме! Как можно будет из него сделать лидера, среди его харизматичных, и не глупых, если быть честным, земляков»?! Ганс, как и многих других, вызывал его к себе в кабинет, пытался разговаривать с ним, подолгу наблюдал, как сутулый Веге, притаившись, сидел в углу, на все вопросы виновато пожимая плечами, глупо улыбаясь. Если ни о чем не спрашивать, Веге становился серой тенью. «Нужно же умудряться быть настолько незаметным? Словно пустое место»?! – возмущался про себя Ганс. И, однажды, забыв о его присутствии, пошел сделать себе бутерброд. Вдруг, едва заметное движение произошло в углу, где сидел заключенный. «Черт! Он же здесь! Ага! Бутерброд его заинтересовал. Какую пользу можно извлечь из данного эпизода»?

- Вы хотите бутерброд? – спросил офицер. Веге молчал, но его ноздри возбужденно раздувались. Ганс еще немного подумал, и продолжил:

- Я дам вам поесть, но когда вы будете заходить в свой барак, оттуда выведут одного вашего земляка и расстреляют.

Ганс подвинул еду поближе к узнику. Тот сидел настороженно нахохлившись. Что-то его сдерживало. Подумав, майор добавил:

- О нашем уговоре никто не узнает. Слово офицера!

Ни секунды не сомневаясь, Веге подскочил к столу и целиком проглотил бутерброд. Закончив жевать, он сел обратно, также виновато улыбаясь, но, в глазах его читалась сытость и удовлетворение.

- Ну, хорошо, идите, - разрешил офицер. Когда заключенный вышел из кабинета, Ганс позвонил, и стал наблюдать в окно. Навстречу, из барака вывели другого узника, и повели на расстрел. Поравнявшись, земляки обнялись, и Веге, как ни в чем не бывало, вошел в барак.

«Определенно мне нравится этот парень! С ним и будем работать»! – подытожил Ганс, убирая остальные карточки.

Началась кропотливая работа. Ганс ничего не требовал от своего протеже, зная, что это бесполезно. Приходилось самому создавать вокруг него ситуации, чтобы Веге оказывался в центре событий, из которых всегда выходил молчаливым победителем. По бараку пошел слух, что Веге отстаивает интересы земляков, рискуя собственной жизнью.

Надзиратели подчеркнуто с ним были более обходительны, чем с другими. Некоторые соплеменники, почувствовав в нем силу, стали его уважать и стремиться быть у него под защитой. В ответ на расспросы: «как ему удается так бесстрашно отстаивать интересы заключенных»?! - Веге, все так же, виновато улыбался и пожимал плечами. Через три месяца его авторитет в бараке стал непререкаемый. И кормили их лучше, чем соседей, и в газовые камеры отправляли меньше. «Только благодаря его харизме и бесстрашию мы так живем! Спасибо, что Бог нам его послал»! - перешептывались заключенные. Никто даже подумать не мог ничего плохого, ведь эти люди не знали, что такое предательство. Испокон веков такого не было. «А нельзя ли и для наших братьев из второго барака создать такие же условия»? – спрашивали у Веге земляки. В ответ на эти слова, он лишь пожимал плечами, виновато улыбаясь.

А время шло, и у Ганса продолжался мозговой штурм. Если с первым бараком все было более-менее понятно, что делать со вторым? «Два серых недочеловека не спровоцируют конфликт. Нужно подобрать правильный психотип. Нужен провокатор. Ошибка будет фатальной».

То, что в первом бараке появился лидер, никак не сказалось на взаимоотношениях заключенных, наоборот, узники из второго барака, стали более сердечно относиться к ранее не приметному Веге, ведь он так заботился о своих людях, среди которых были чьи-то родственники и друзья. А это уже приятно, что хотя бы близким есть возможность облегчить страдания.

*****

Уже наизусть знал Ганс биографии каждого узника из второго барака. Без его ведома никого не расстреливали и не сжигали. И снова и снова перебирал майор

картотеку. «Решение должно быть»!

Шел четвертый месяц, а оно, все также, не находилось. Из тех узников во втором бараке, которых майор себе наметил и аккуратно пробовал общаться, было понятно, что ничего путного не выйдет. Ганс начинал переживать.

Вдруг громкая ругань во дворе отвлекла его от размышлений. Офицер раздраженно глянул в окно - привезли новую партию заключенных. Какой-то молодой узник в вытянутом, грязном, зеленом свитере, противным, скрипучим голосом смело что-то громко требовал от охранников. Наконец, вновь прибывших, прикладами затолкали во второй барак, все стихло. Ганс вернулся к своим размышлениям. Пока решения задачи нет, майор не мог выспаться, и от резких звуков голова его начинала трещать.

В один из последующих дней, во время прогулки заключенных, опять раздался этот противный голос, молодого узника. Раздраженный Ганс потребовал незамедлительно привести нарушителя спокойствия к себе. Офицер намеревался выместить на нем зло и отправить в газовую камеру, чтобы впредь не слышать этот мерзкий голос.

- Впервые здесь такой конфликтный заключенный, - сказал Ганс, когда узника доставили к нему в кабинет, - что вас не устраивает? Вы отдаете себе отчет, где вы находитесь?

- Прекрасно отдаю. Но меня не устраивает, что нет списков и графиков, когда и кого будут отправлять в газовые камеры и на расстрел. Каждый человек имеет право знать свою судьбу, чтобы морально подготовиться, - проскрипел заключенный своим противным голосом.

- Какие интересные у вас мысли. Я с вами полностью согласен! Человек имеет право знать! Но те, кто находится в бараках недочеловеки!

- Хорошо, недочеловеки тоже имеют право знать! – так же громко, не моргнув глазом, уверенно подтвердил узник.

Ганс заметил, как тонко заключенный чувствует нить разговора.

- Вы хотите бутерброд?

- Я не имею морального права употреблять пищу, когда мои земляки помирают с голоду, и готовятся к газовым камерам, даже не зная даты своей смерти! Поэтому…

- Я готов с вами согласиться, и предоставлять вам графики и списки, но при условии, что в каждую партию с сегодняшнего дня я прибавлю плюс три человека.

- Наличие списков для меня, является делом чести, и я буду до конца бороться за уважение к человеческому достоинству! Это не повод для торговли! – опять начал громко декламировать заключенный.

Голос узника скрипел как несмазанное колесо, офицер раздраженно прервал его:

- Бутерброд на столе!

Узник подошел, молча съел.

«Ну вот, нашелся и второй»! – подумал Ганс. Схватывает с полуслова. Понаблюдаю за ним:

- Уведите! – майор в окно смотрел, как заключенный пересекает двор, спохватился, что даже не выяснил его имя: «Грюнерман! Я буду звать его Грюнерман! Или Гринго, за твой склочный характер»!

Он нашел его досье в картотеке и начал изучать. «Провокатор, мошенник. То, что надо»! – подытожил майор.

А со двора уже доносился скрип мерзкого голоса Грюнермана:

- Я добился аудиенции одного из офицеров лагерной администрации! И вытребовал, чтобы теперь нам предоставлялись графики и списки тех, кого приговорили к сожжению или расстрелу. Мы не скот! Мы имеем право знать дату своей смерти! Я не остановлюсь ни перед чем, мы и дальше буду бороться за наши права! Мы имеем право умирать достойно! Даже здесь!

Ганс вызвал дежурного офицера:

- С сегодняшнего дня, со второго барака сжигайте плюс три человека в каждой партии. Также, составляйте еженедельные списки тех, кто будет отправлен на утилизацию, и вешайте их на дверях барака! Все ясно? – дежурный офицер кивнул, - выполняйте! – офицер удалился. Ганс закрыл окно, и в первый раз с момента заключения пари, выспался.

*****

Продолжалась тяжелая, нудная работа. Гринго хорошо схватывал. Громко кричал. Добился уважения в своем бараке. Выглядел и действовал, как

принципиальный, умный лидер. Свой бутерброд всегда съедал, не оставляя крошек. При этом казалось, что его рот не затыкается, даже когда он жует.

- … Мы должны сплотиться! Поддерживать тех, кто в ближайшие дни будет отправлен на смерть! Оказать помощь близким…

Ганса больше не раздражал голос Грюнермана, наоборот, он теперь с интересом прислушивался, как только слышал его во дворе.

Тем временем пожилой Веге вошел в роль непререкаемого лидера. В его задачи не входило ничего, нужно было просто молчать, всю работу по поднятию его авторитета продолжал делать Ганс. Веге лишь виновато улыбался и пожимал плечами. И вдруг, после очередного разговора, съев свой бутерброд, он вдруг осмелился что-то сказать:

- Многоуважаемый оберфюрер, - тихим голосом обратился заключенный к офицеру. Ганс от неожиданности аж встрепенулся, - могу я попросить вас об одолжении?

- Извольте! – от нетерпения, какого же толка может быть просьба от такого серого человека, у Ганса от волнения побежали мурашки, и сердце застучало сильнее. «Вот сейчас-то мы и узнаем, чем ты живешь»! – подумал майор, ожидая вопрос.

- Сегодня же все по плану? Вы расстреляете человека, когда я пойду в барак?

- Конечно!

- Не могли бы вы расстрелять… - Веге наклонился к уху офецера, и произнес имя.

- И чем же перед вами провинился этот дикарь?

- Какое-то время назад, когда все узники нашего барака уже признали мое лидерство, он надсмехался надо мной у всех на виду, чем подрывал мой авторитет.

- Почему же вы только сейчас решили попросить об этом?

- Если бы я завел разговор раньше, то могли возникнуть подозрения, а сейчас в самый раз!

- Но сейчас же вашему авторитету он не угрожает?

- Это так. Но тогда мне было не приятно, и это запомнилось, - Веге виновато пожал плечами.

- Вы еще больший циник, чем я мог о вас подумать! – Ганс удовлетворенно посмотрел на него, - идите.

Пока тот брел через двор, майор дал распоряжение. Узники столкнулись у входа в барак. Как всегда обнялись, один искренне, простив перед смертью все разногласия, второй прижался всем телом, упиваясь местью.

Ганс изумленно смотрел на Веге, поражаясь его цинизму. «Да, он еще и злопамятный, такой персонаж сможет сыграть нужную мне партию! А что Гринго? Орет, что есть мочи, не зная даже, в какую сторону дует ветер! Пришло время добавить стремительности в развитие событий», - подумал майор…

Следующая встреча прошла втроем. Ганс, Грюнерман и Веге. Офицер дал распоряжение принести бутерброды, отрешенно сидел, глядел в окно, и молчал. Гринго и Веге жадно смотрели на еду, но не притрагивались. Заключенные тихо перекинулись парой фраз, о том, как жизнь в соседнем бараке, поузнавали про знакомых, передали весточки от родственников, и сидели в ожидании, не понимая, для чего их собрали. Ганс жадно ловил каждое их слово, каждый жест, каждую эмоцию по отношению друг к другу.

- Я слышал, что во втором бараке есть недовольство, заключенные считают, что в первом кормят лучше. Грюнерман, вы не слыхали такого? – закинул Ганс. Гринго включился сразу же, вскочил со стула, моментально закончив, тихие бытовые разговоры с Веге.

- Конечно! Об этом все знают! Это не справедливо, по отношению к узникам второго барака! Я уже многократно поднимал вопрос перед администрацией…

- Но, также, я слышал, - перебил его Ганс, - среди заключенных в первом бараке бытует такое же мнение, – Ганс с интересом изучал реакцию Веге, который после того, как Грюнерман вскочил, смотрел на него, оторопев, – Что вы скажете, Веге?

- Мы едим то, что нам дают, - прошипел тот, уже со злостью глядя на Грюнермана, чувствуя, что что-то важное ускользает от его разума.

- А других недопониманий нет между бараками? – продолжил Ганс.

- Вроде нет, - пожал плечами Веге.

- А вы что скажете, Грюнерман?

- Да полно! Прогулка в первом бараке длиннее на 15 минут. Когда мы выходим, первый барак уже гуляет, а уходим мы с прогулки одновременно, несмотря на то, что им идти до барака на 10 минут дольше! Сжигают наших на три человека в неделю больше, хотя наш барак малочисленнее!

- Веге, что же вы не в курсе проблем своего барака? – подлил масла в огонь Ганс. Заключенный учащенно дышал, его ноздри раздувались, он с ненавистью продолжал смотреть на Грюнермана. – Ладно, я понял, проблем много, администрация будет думать над их урегулированием. Вы свободны! – Ганс с интересом смотрел на заключенных, которые встали и поплелись к двери, так и не решившись взять бутерброды. Грюнерман первый, легкомысленно повернувшись спиной к лидеру первого барака. Веге второй, сверля взглядом затылок Грюнермана. «Прекрасно»! – развалившись в кресле, выпуская дым сигары, сделал вывод Ганс.

И уже на следующей прогулке слышал со двора противный голос Гринго:

- В первом бараке кормят лучше! Заключенные гуляют дольше! Сжигают их меньше! Я буду бороться за наши права! Мы что?! Нелюди второго сорта?

Ганс, поддержал эти вопли, и теперь, и вправду, в первом бараке стали кормить немного лучше, и на прогулку их стали выводить раньше.

Заключенные из первого барака виновато улыбались, пожимая плечами: «мол, это не мы, как-то все само»! Продолжая, по старой доброй традиции, пытаться делиться последними крохами со своими соседями. Но, как только Грюнерман видел такое, заходился в истерике:

-Кто вы после этого? У вас совсем нет гордости, предатели высокомерно кидают вам объедки, а вы и рады их подбирать! Я не удивлюсь, если подачки окажутся отравленными, потому что знаю, как сильно эти люди нас ненавидят! Они хотят, чтоб мы все сдохли, думая, что этим продлят свои жизни! Давайте даже в таких тяжелых условиях не забывать кто мы, и сохранять свое человеческое достоинство! Лучше всем до последнего умереть с голоду, чем питаться объедками с предательского стола! – Орал Гринго. Но свежа еще была память о нерушимой дружбе, и некоторые осаживали Грюнермана. Конечно, от таких, скоро избавились, чтобы не мешали эксперименту.

А тем временем, кто-то из администрации пустил слушок, что это бесстрашный Веге, рискуя своей жизнью, выбил для своего барака такие льготы. Этот серый незаметный человек, обладает абсолютным бесстрашием и с администрацией ведет себя как тигр, отстаивая права осужденных. Узники с одной стороны были ему благодарны за заботу, а с другой чувствовали, как холодеют отношения с

соседями. Ведь лидер тех, с утра до вечера без устали вопил о том, как заключенные из первого барака глумятся над ними. Были и такие, которые пытались спрашивать у Веге: «что происходит»? Но тот в ответ лишь виновато улыбался и пожимал плечами. А тех, кто начинал что-то подозревать или особенно докучал, в скором времени сжигали в камере или расстреливали. Но обида на Грюнермана жгла Веге изнутри все сильнее. С чувством мести он засыпал и просыпался. Ганс чувствовал это и ожидал развития.

И вот, на очередной прогулке, кто-то из первого барака, пережевывал сухарь, который не успел доесть на завтраке. Оголодавшая женщина из второго барака, увидев жующего человека, вскрикнула и потеряла сознание. Грюнерман, тут же, подскочил как ужаленный, указывая пальцем на человека с сухарем, украдкой поглядывая на окно кабинета Ганса, он заорал сам не свой:

- Провокаторы! Специально приносят еду за щеками, чтобы мы, недоедающие, еще больше страдали! Это кощунство! Они еще большие нелюди, чем можно было себе представить!

Осужденные из первого барака чувствовали себя виноватыми. Тумаками оттолкали недотепу, который и сам уже все осознал и переживал сильнее остальных. Попытались, как раньше, подбежать к женщине, отдать ей свои крохи, чтобы хоть как-то помочь, но увидели яростный блеск глаз узников из второго барака, которые окружили ее, потупив виновато взоры, отступили. За малым дело не дошло до потасовки. Ганс дал команду развести бараки по разным углам. Надавать друг другу затрещин, не тот конфликт, который был нужен Гансу. Ненависть еще не набрала критическую массу.

После инцендента с женщиной, офицер вызвал Грюнермана, поговорил с ним на общие темы, но вместо бутерброда сегодня принесли стейк. Грюнерман не поверил своим глазам. Когда стейк был доеден, Ганс сказал:

- Не смею больше задерживать!

Грюнерман понял, что двигается в правильном направлении. Сегодня, впервые за долгое время, он был сыт и счастлив.

А Веге, вновь почувствовал себя облапошенным, поэтому, вернувшись в барак, неожиданно собрал всех и впервые провел собрание. Сначала тихо и неуверенно, часто кашляя, но с каждым словом, все больше обретая твердость. Голос его креп, словесные обороты становились ярче:

- Во втором бараке живут люди, которые давно нас ненавидят, рано или поздно ненависть перерастет в неприкрытую агрессию. Мы должны быть бдительны!

Большинство молчало, но остались еще те, кто пытался возражать:

«Мол, мы и так узники! Мы должны приложить все усилия, чтобы держаться вместе! У нас один враг –администрация лагеря»! - Веге не спорил, не переубеждал. Как и прежде, пожимал плечами, но его, привычная всем, виноватая улыбка, теперь стала больше походить на хищный оскал. Он запомнил всех, кто возражал.

А на очередной встрече втроем, Веге, неожиданно, обратился к Грюнерману. Умело скрыв всю ненависть к нему, шепотом, очень медленно и вкрадчиво произнес:

- Многоуважаемый коллега, - Веге принципиально не называл Грюнермана по имени, - есть несколько личностей в нашем бараке, которые крайне неприязненно отзываются об узниках из второго барака. Вот их имена, - он положил на стол список. Грюнерман, прочитав список, кивнул головой. Глядя друг другу в глаза, их руки потянулись за бутербродами. Ганс ликовал. Все шло по его сценарию. И кульминация уже была не за горами.

А на дальнейших прогулках, заключенные из первого барака, которые на совещании призывали к миру, стали испытывать неприкрытую агрессию к себе со стороны узников из второго барака. И, даже, толчки, и другие провокации. Они и сейчас пытались говорить о мире, но их слова тонули во всеобщей ненависти к друг другу, их, наоборот, клеймили, как зачинщиков и разжигателей распрей. А Веге, хотя и попросил Грюнермана об одолжении, но все так же, продолжал хищно поедать его взглядом. «Рано или поздно, я дотянусь до тебя, выскочка»! – крепла мысль в его голове. Во-первых, потому что тот подставил его тогда на аудиенции у майора, а во-вторых, как это ни парадоксально, он ревновал Ганса, как хозяина, к Грюнерману. Поэтому, в следующий раз, оказавшись с майором наедине, Веге, волнуясь, обратился к офицеру и что-то долго шептал ему на ухо. Не обладая аналитическим мышлением, и не понимая, как хозяин отнесется к его предложению, он, все-таки, решил рискнуть, видя, как растет симпатия Ганса к Грюнерману, а его позиции, тем временем, слабеют. Майор преодолевал отвращение, пока Веге, взволнованно дыша, шептал ему в ухо свой план. Но оно того стоило! Офицер даже угостил Веге стейком! С аудиенции узник вышел сытый и счастливый, каким ни разу в жизни еще не был.

Усвоив, что двигается в правильном направлении, лидер первого барака стал еще более уверенным. Собрания под его началом стали проходить регулярно. Веге уже окончательно освоился с ролью публичной фигуры, на каждом собрании обсуждались внешняя угроза, сплоченность, внимательность. Речь его

стала стройной, голос твердым. Узники в первом бараке стали замкнутые, молчаливые, тревожные. Веге с каждым разом все сильнее нагнетал обстановку: «Вы видели, как они раздражаются на тех, кто призывает к миру»? «У меня есть информация… я слышал… я предполагаю… мы должны быть готовы…» а, затем фраза «Мы должны быть готовы» поменялась на: «мы должны ударить первыми»…

И вот, на исходе шестого месяца, в последние дни пари, когда начальник лагеря уже поглядывал на Ганса торжествующе, неожиданно ни для кого, кроме майора, началось. Во время прогулки, как по команде, узники из первого барака забежали за угол, где, по договоренности с Гансом, были припрятаны черенки от лопат, похватали их и побежали в сторону гуляющих, ни о чем не подозревающих узников из второго барака. На этот раз охрана оцепила периметр и не вмешивалась. Заключенные с искаженными от ненависти лицами пересекали двор. Но, как оказалось, Грюнерман давно чуял угрозу, и втихаря, тоже договорился с майором. Увидев надвигающуюся опасность, осужденные из второго барака, организованно куда-то метнулись и вернулись с такими же припрятанными на такой случай черенками. Грюнерман, вскочив на остов сгоревшей машины, припрыгивал от возбуждения и, что есть мочи орал, а скорее даже визжал, потрясая над головой палкой: «Что я вам говорил?! Они давно готовили бойню! Они нас всех ненавидят»! Ганс смотрел из окна с ухмылкой. Он не мог разобрать слов, до него доносились просто звериные крики. Грюнерман, в растянутом, грязном свитере, с черенком от лопаты в руке, на возвышении, выглядел как настоящий папуас. Майор видел перед собой два племени, в очередной раз убеждаясь, что дикари и есть дикари! А тем временем, уже в полной уверенности в своей правоте, узники второго барака бросились в атаку не щадя ни кого: ни женщин, ни детей, ни родственников. Весь двор превратился в кровавое месиво, рычание нападающих, стоны избиваемых. Такой жестокой развязки не ожидал никто. Ганс так и застыл у окна с сигарой в руке, наблюдая за тем, что происходило во дворе. Увидев вооруженного противника, который направо и налево крушил безоружных, Веге и его товарищи сначала опешили, лидер первого барака со злостью посмотрел в окно офицера, поняв, что хозяин его предал, и терять больше нечего. Тогда, он, уподобившись Грюнерману, впервые в жизни истошно заорал:

- А я вас предупреждал!!! Промедлили бы мы хоть на день, и всех нас забили бы черенками, как скот! – И у осужденных из первого барака, не оставалось сомнений в его правоте. Тут же ворвались они в эпицентр и еще самоотверженнее своих оппонентов замахали дубинками. Узники зубами рвали ненавистных соседей, обвиняя их в предательстве, и чем ближе родственник или знакомый встречался на пути, тем большим истязаниям подвергался он у

бывших соплеменников. Убийство, в данный момент, являлось смыслом всей жизни для этих людей, именно в соседях было сконцентрировано все зло, все проблемы, все опасности. Веге в исступлении протискивался сквозь обезумевшую толпу в сторону Грюнермана. Ведь именно ради этого он все и затеял. В конце концов, ему удалось до него добраться, и противный голос Гринго захлебнулся в собственной крови и навсегда замолчал. Ганс, оцепенев, так и стоял у окна, но, сквозь отвращение, уже где-то в глубине души подкатывала эйфория - пари было выиграно! Не просто выиграно, а выиграно с триумфом! Неожиданно в кабинет ворвались другие офицеры, и тоже стали наблюдать за происходящим. Когда бойня дикарей закончилась, отвращение сменилось на всеобщее ликование, хотя, во дворе еще были слышны стоны умирающих, глухие удары дерева по черепам, кровь еще брызгала из живых тел, но это уже никого не волновало. С хищной улыбкой, окрававленный Веге сидел рядом с трупом Грюнермана. Месть осуществилась. Он торжествующе поглядывал на окно Ганса, как бы задавая вопрос: «Хозяин, я убил твоего нового любимчика, что теперь будем делать»? Выжившие узники из первого барака, шокированные тем, что сделали и опьяненные кровью, мыча, блюя, шатались по двору среди трупов, продолжая сжимать в руках окровавленные черенки. Население первого барака было больше, да и кормили их в последнее время лучше, так что победа была закономерной. А в кабинете Ганса раздались бурные аплодисменты:

- Браво майор Ганс! Безоговорочная победа! Полгода назад никто не верил, что такое возможно! Вас ждет головокружительный успех! Шампанское! Открывайте шампанское!

Вошел начальник лагеря, демонстративно положил на стол рапорт, молча отдал честь, поздравил с победой и удалился.

Вдруг в кабинет вбежал начальник охраны. Еще не оправившись он был бледен как полотно. Губы его тряслись.

Не зная к кому обратиться, его взгляд бегал с одного офицера на другого:

- Обер… Разрешите обратиться! Что делать с выжившими? – буркнул он.

Среди смеха и всеобщего веселья, Ганс, подхватив настроение дня, крикнул:

- А расстрелять всех, за нарушение лагерной дисциплины! А-ха-ха! – все офицеры дружно подхватили шутку нового шефа.

- А вы, мой дорогой унтерофицер, - обратился Ганс к писарю, - пишите рапорт о досрочной утилизации, вернее самоутилизации биологического материала. Об

экономии газа и патронов! И о появлении в нашем учреждении свободных мест. А также о том, что мы смогли добиться положительного результата в эксперименте! Соответственно всех нас ждет приличное вознаграждение! - Закончил Ганс, и все дружно подхватили:

- Гиб-гиб ура, майор Ганс!

Тем временем, Веге и всех остальных узников из первого барака собрали на заднем дворе, выдали им штыки для лопат, которые они одели на черенки, приказали выкопать яму, перетаскать туда трупы, и скинули их тела туда же, после того, как расстрел был приведен в исполнение.

По иронии судьбы, тело Веге, упало на окоченевшее тело Грюнермана, которое лежало с растопыренными руками, как бы приглашая в свои объятия».

Старый полковник, как и гласило условие пари, покинул расположение гарнизона. Ганс приступил к своим обязанностям, и, почитав наконец сводки, понял, что ситуация на фронте уже давно изменилась. Немецкая военная машина забуксовала. А еще через неделю, администрация лагеря уже принимала бой, со стремительно подступившим противником. По ряду объективных факторов, гарнизон не был готов к полномасштабным боевым действиям, и, как только кончились патроны, офицеров тут же взяли в плен. Обнаружив свежие захоронения, и раскопав их, освободители ужаснулись увиденному. Разбираться было некогда, поэтому без церемоний, в эту же яму, расстреляли весь офицерский состав. Майор Ганс, по той же иронии судьбы, скатился к ожидающим его Веге и Грюнерману. Так их и закопали, непримиримых врагов в безымянной могиле в окоченевших вечных объятиях.

P.S.

Старому полковнику повезло больше. Его арестовали, выходящего из дома, и ему удалось дожить до цивилизованного суда.

Max Postman

2024